

Глава 1. Открытие

Мало знаний — это опасно. И очень.

Альберт Эйнштейн

14 марта 2008 г. (пятница)

Моей первой сознательной мыслью дня было ожидание выходных. Была пятница, впереди у меня был еще один рабочий день, прежде чем я освобожусь, а завтра я собирался провести весь день с двумя своими любимыми девушками: Яной, моей четырехлетней дочерью и моей мамой. Мой план состоял в том, чтобы поработать в доме мамы, а потом провести остаток дня, гоняясь за Яной на заднем дворе. Моя жена Дженни была в отъезде по работе до позднего воскресенья, так что, Яна была полностью предоставлена мне.

Отправив Яну в детский сад, я пошел на работу, чтобы провести полдня и выложить каталог новых курсов на нашем сайте. Закончив, я смог забрать Яну и отправиться в путь.

Я закончил намного раньше, чем ожидал, и выдвинулся в 10:30. Я пришел в свой большой пустой дом, а поскольку не мог забрать Яну до часу дня, у меня было время положить кое-что в машину и съесть бутерброд. Держа в левой руке сэндвич с арахисовым маслом и бананом, я начал правой рукой складывать одежду и вещи, которые нам понадобятся на выходные, на кровать (компьютерные фанаты знают, как это — есть и работать одновременно). Бутылка шампуня, которую я бросил в кучу, скатилась и упала на пол со стороны Дженни. Я использовал свои лучшие телекинетические способности, чтобы попытаться вернуть ее, но, как обычно, потерпел неудачу, поэтому мне пришлось подойти и физически поднять ее. Я не сразу ее обнаружил, а стало быть, она куда-то закатилась. Я встал на колени и стал шарить под кроватью. Ее там не было, поэтому я начал поиски под тумбочкой, где нащупал бутылку шампуня и какую-то книгу. «Интересно, знает ли Дженни, что у нее валяется там, внизу?» — спросил я себя, глядя на книгу. Это не был один из ее романов или там справочник с ее работы, а какой-то журнал.

Я долго сидел на кровати и размышлял, не открыть ли его и не прочесть, что там, внутри? С одной стороны, я не хотел вторгаться в личную жизнь Дженни, если это был какой-то ее личный дневник, но с другой стороны, а вдруг в нем было что-то, что мне необходимо знать? Это может быть совершенно невинно, а может, и нет. Необходимость знать победила, я открыл первую страницу и сразу узнал почерк Дженни, так что, не могло быть никаких сомнений в том, кто это написал. Запись была датирована одиннадцатью месяцами назад. Я начал чтение...

Запись в журнале от 20 апреля 2007 г. (пятница)

Я решила, что ведение этого дневника — в моих интересах. Я не знаю, что нас ждет в будущем, но на данный момент вижу только гибель и мрак. Я знаю, что все, что я сделала и сделаю, в конечном итоге причинит боль Рэнди и Яне, но я — в таком тупике, что не могу найти выхода, и чувствую, что сильно облажалась. Может быть, отслеживание всего в какой-то мере поможет, если дерьмо полетит на вентилятор. Не знаю, случится ли это, но одно я знаю точно: это ни черта не изменит, и я просто надеюсь, что из этого выйдет хоть что-то хорошее.

Вся эта неразбериха началась чуть больше месяца назад, когда один из моих начальников

позвал меня в свой офис. Ллойд Батчер — один из исполнительных менеджеров компании Томпсона — влиятельный и внушительный человек. Все знают, что с ним нельзя связываться. Он был в офисе с одним из внутренних аудиторов Карлом Кэшманом. Они сказали, что на некоторых счетах, за которые я отвечала, не хватало денег: 24000 долларов, если быть точным. Они показали мне документы, свидетельствующие, что когда я клала деньги на депозит, у меня каждый раз не хватало 1000 долларов. Выглядело так, будто во время вклада я снимала 1000 долларов наличными. Они сказали, что хотят дать мне возможность объяснить, что случилось с деньгами, прежде чем пойдут в офис корпорации и в полицию. Я понятия не имела о деньгах, я никогда ничего не брала, но у них был прочный документальный след, показывающий, что 1000 долларов наличными не хватало каждый раз, когда я делала вклад. Я сказала им, что не сделала ничего плохого и не знала о пропавших деньгах. Я пыталась все объяснить, но они не слушали. В итоге я сломалась и заплакала прямо у них на глазах. Они сказали, что поскольку у меня нет объяснений, то у них нет иного выхода, кроме как передать дело властям. Мне придется вернуться к своему столу и очистить его. Меня уволят, и в конце дня выведут из здания. Я вернулась к своему столу и заплакала.

Около четырех позвонил мистер Батчер и сказал, что хочет поговорить о моей ситуации, и чтобы я пришла к нему в офис. После долгого обсуждения, мольбы и слез с моей стороны, он сказал, что верит моей истории и жалеет меня. Он сказал, что, возможно, найдет способ все исправить, но я должна ему довериться. Он предложил мне сделку: он не станет передавать дело властям и лично покроет недостающую сумму, если я стану его личным помощником. Работа оставалась вакантной с тех пор, как его предыдущая помощница однажды не пришла на работу, и никто больше о ней не слышал. У меня будет новая работа, только на него, и я не буду больше работать с деньгами. Он сказал, что я могу доверить ему помочь мне выбраться из того беспорядка, в котором я оказалась, а со временем смогу вернуть ему то, что я ему должна.

Это звучало слишком хорошо, чтобы быть правдой, и я был рада принять его предложение. Кроме того, переход от специалиста по контрактам до личного помощника руководителя — это повышение зарплаты и ответственности. Я спросила его, как мне выплачивать деньги, которые я была должна, но на самом деле не была, и он сказал, чтобы я доверяла ему. Он все прояснит, когда я устроюсь на работу.

Он сказал, что позвонит аудитору и скажет ему, что нашел недостающие деньги на другом счете, о котором раньше забыл упомянуть, а я делала лишь то, что мне говорили. Так я буду снята с крючка.

Той ночью я рассказала Рэнди о своем повышении по службе, но ничего не сказала о пропавших деньгах. Он был так счастлив за меня, что я просто не могла ничего об этом сказать. Это была моя проблема, а Рэнди всегда хотел, чтобы я сама решала свои собственные проблемы, прежде чем обращаться к нему за помощью, и на этот раз я не хотела разочаровывать его. Никогда не забуду, как он смотрел на меня, когда мы сидели у Сабатини и потягивали наше Кьянти. Он сказал, что я продвигаюсь в корпоративном мире, и мое будущее выглядит хорошим. Он так мной гордился.

На следующий день я переехала в свой новый офис. Это была небольшая приёмная с дверью, ведущей в небольшую гостиную в задней части здания, в которой была полностью оборудованная ванная комната, шкаф для одежды и небольшой диван. Из нее была еще одна

дверь, ведущая в другую гостиную в задней части офиса мистера Батчера. Его гостиная была устроена так же, но у него был диван побольше и небольшой полностью оборудованный бар.

Когда по офису распространились новости о том, что я — новый административный помощник мистера Батчера, я получила много взглядов от моих коллег-женщин и улыбок от мужчин. Я не знала, что все это значило, и это было странно.

Позже в тот же день мистер Батчер позвал меня в свой офис, я села рядом с его столом, и он рассказал мне о моих обязанностях. Он объяснил, что у меня — обычные обязанности помощника: приходить к нему на встречи, приветствовать клиентов компании, печатать и вести записи, варить ему кофе и т. д. Также он сказал, что я должна буду сопровождать его на мероприятиях и собраниях компании не только в рабочее время. От меня могут даже потребовать сопровождать его на выездных встречах.

Затем он рассказал мне свои ожидания относительно того, как я буду одеваться. Он сказал, что я буду его личным представителем и представителем компании, и мне нужно одеваться соответствующе. Мне всегда казалось, что я одеваюсь красиво, но по его мнению я одевалась слишком консервативно, а ему нужно что-то более подходящее для его помощника. Он сказал, что я должна носить более короткие юбки. Также он сказал, что я не должна носить колготки. Я могла носить чулки или ходить с голыми ногами. Еще мне нельзя носить бюстгальтер. Я должна держать волосы распущенными и ниспадающими на плечи. Я могу носить трусики, если хочу, но это было не обязательным. Я сидела в полном изумлении. Когда я попыталась что-то сказать, он поднял руку и остановил меня, прежде чем я успела произнести хоть слово. Он сказал, что я должна переодеться, потому что я — красивая женщина, и он хочет, чтобы я показывала свою красоту, а не скрывала ее. Полезно, если на встречах с клиентами и другими менеджерами будет присутствовать красивая женщина. Он также напомнил мне о пропавших деньгах и сказал, что я должна начать одеваться так, как он хочет, начиная со следующего дня, иначе он расторгнет наше соглашение. Он сказал, что я могу ему доверять, и он не сделает ничего, чтобы причинить мне боль или смутить меня. Он сказал, что знает, что делает.

Я была ошеломлена и не могла нормально думать. Я не знала, что сказать. Все что я могла сделать, это молча сидеть и смотреть на свои руки.

Он протянул мне конверт и сказал, чтобы я взяла выходной, сходила по магазинам и купила новую одежду; что-то вроде того, что он описал, чтобы показать мое красивое тело. Он сказал, что если я беспокоюсь о том, что подумает мой муж, то могу оставить свой новый гардероб на работе и переодеться в него с утра, а затем возвращаться к своей обычной одежде, прежде чем идти домой. Но на работе или с ним на корпоративных мероприятиях мне придется одеваться так, как хочет он.

Я взяла конверт, вернулась в офис и задумалась. С одной стороны, он заверил меня, что не сделает ничего, чтобы причинить мне боль или смутить, но с другой стороны, я могу получить много взглядов и странных замечаний от людей в офисе. Я все равно была в подвешенном состоянии из-за пропавших денег. Чем больше я думала об этом, тем больше думала, что было бы здорово, когда люди смотрели на меня и думали, что я красивая. Я всегда была простой Джейн, и, может быть, я заслужила хоть раз выглядеть и чувствовать себя сексуальной. Но все же, я провела черту и решила носить трусики.

В тот день я пошла по магазинам и оставила все в багажнике своей машины.

На следующий день я пошла на работу в своем обычном деловом костюме, но переоделась в

ванной в одну из своих покупок. Это была простая прозрачная белая блузка и короткая черная юбка, я имею в виду — именно короткая, подол доходил до середины бедра. Я не носила чулки, потому что их верх был бы виден под короткой юбкой. Я чувствовала себя странно без бюстгалтера, но трение сосков о ткань блузки было довольно возбуждающим. После этого я просто осталась в своем офисе и делала свою работу.

Примерно во время обеда мистер Батчер вызвал меня в свой офис и сказал, чтобы я зашла через наши смежные гостиные. Когда я вошла в кабинет, то увидела его, прислонившегося к передней части своего стола. Когда я подошла, он сказал мне, что я выгляжу прекрасно, но ему требуется убедиться, что я выполняю его указания насчет гардероба. Он спросил, ношу ли я бюстгалтер, и я ответила, что нет. Он сказал, что должен проверить и приказал мне расстегнуть блузку. Я молча стояла и смотрела на него. Через несколько секунд выражение его лица изменилось, на его лице появилось суровость, и он сказал решительно и зловеще, что я должна показать ему, «а не то...»

Я смутилась, но расстегнул блузку и встала. Она была запахнута, поэтому он мог видеть мою грудь ровно настолько, чтобы понять, что на мне нет бюстгалтера. Он сказал: «хорошо». Затем сказал, что хочет убедиться, что на мне нет колготок, поэтому он приказал мне поднять юбку и показать ему. Я снова заколебалась, и он опять строго посмотрел на меня, поэтому я нерешительно потянулась, задрала юбку и показала ему свои трусики. «Красиво», — было все, что он сказал. Когда он повернулся и подошел к своему столу, чтобы сесть, я опустила юбку. Сев, он закричал на меня:

— Я не говорил тебе опускать юбку. Делай только то, что я говорю, и когда я говорю. — Я приподняла юбку и стояла, глядя в пол.

Он молча сидел и с улыбкой смотрел на меня. Через пару минут он сказал одеться и вернуться к работе.

Так происходила моя проверка гардероба каждый день до конца недели.

В понедельник утром он вызвал меня, и мы опять прошли проверку одежды, за исключением того, что на этот раз он приказал снять мою блузку и передать ее ему. Он выглядел рассерженным, когда я стояла и смотрела на него. Я заплакала. Он просто прорычал:

— Сделай это!

Я медленно сняла блузку и протянула ему одной рукой, а другой прикрыла грудь.

— Теперь опусти руки, — сказал он. Я плакала, делая это. — Теперь юбку. — Я подняла юбку и встала, а он сказал:

— Нет, передай ее мне.

Я хотела убежать и спрятаться, но не могла никуда бежать в таком виде. Я потянулась за спину, расстегнула молнию и позволила юбке упасть на пол, а после наклонилась, подняла ее, протянул ему и молча стояла, по моим щекам текли слезы.

Все, что он сказал, было:

— Даже красивее, чем я представлял.

Мне было стыдно и стало так жарко. Он вернулся, сел и положил мою одежду на стол. Он просто сидел и смотрел на меня, стоящую топлесс. Через некоторое время он улыбнулся и сказал, что я могу забрать одежду и вернуться в свой офис. Я начала одеваться, но он остановил меня и сказал, чтобы я ушла как есть, и оделась в гостиной. Я схватила одежду и быстро вышла.

Вторник и среда были повторением понедельника, но с каждым днем я плакала все меньше.

В четверг он потребовал и мои трусики. Я неохотно отдала их ему, он вернулся и сел. Он сказал, что мне нужно держать свою киску аккуратной, но не полностью выбритой, а просто подстриженной и с очищенной областью бикини.

В пятницу я снова была обнажена для его осмотра.

В следующий понедельник, после того как я был голой, он сказал, чтобы я села на стул напротив него. Он сказал, что одна из моих обязанностей как его помощника — следить за тем, чтобы он всегда был доволен. Я сказала, что не понимаю, что он имеет в виду, поэтому он нарисовал мне очень наглядную картину. Он хотел, чтобы я занялась с ним сексом. Он хотел минета, когда потребует. Он хотел смотреть, как я раздеваюсь, когда он позовет. Он хотел смотреть, как я мастурбирую для него. Когда он позовет, я должна бросать все что делаю, и идти к нему. Когда он скажет мне, я должна буду раздеться в гостиной и голой войти в его офис. Я не должна была никому рассказывать о том, что делаю, особенно своему мужу, а если расскажу кому-нибудь, наша сделка о пропавших деньгах не состоится, и он лично позаботится о том, чтобы Рэнди и Яна пострадали. Он не сказал как, но я знала, что он имеет в виду.

Я сказала ему, что ничего подобного сделать не могу. Я любила своего мужа и никогда не сделала бы ему больно. Он сказал, что ему все равно, какие у меня проблемы дома, но если я не сделаю то, что он сказал, он уволит меня, а Рэнди и Яна заплатят за мое решение. Он дал мне возможность определиться до следующего утра.

Я пошла домой и подумала о своем затруднительном положении. Я подумывала рассказать Рэнди о своей проблеме, но решила, что должна справиться с этой ситуацией самостоятельно. Также я много плакала. Рэнди просто подумал, что я плохо себя чувствую, поэтому он позаботился о Яне и оставил меня одну. Я не видела альтернативы, поэтому на следующий день, когда мы проводили осмотр гардероба, я неохотно сказала, что сделаю то, что он просит.

Перед тем как я покинула офис, он сказал, что хочет произвести «небольшое испытание». Я испуганно попятилась от него. Он просто встал и зарычал на меня. Он сказал, что если я когда-нибудь снова заколеблюсь или буду задавать ему вопросы, когда он отдает мне приказ что-то сделать, я дорого за это заплачу. Если я снова заколеблюсь, он тут же меня уволит.

Он ходил по кругу вокруг меня, оглядывая с ног до головы, пока я стояла молча. Он был позади меня, когда впервые прикоснулся ко мне. Я подпрыгнула, а он шлепнул меня по задку. — Никогда больше не делай этого, — сказал он. Он нежно погладил мою попу, где меня ударил. Он погладил мои плечи. Он протянул руки мне под мышки и сжал мои груди своими руками. Вдруг он остановился, вернулся к своему столу и сел. Он сказал мне одеться и вернуться к работе.

На следующий день он позвал меня в свой офис. Он говорил по телефону и жестом пригласил меня сесть к нему на колени. Когда я это сделала, он начал гладить мою спину и плечи. Вскоре он сжимал мою грудь. Одной рукой он расстегнул мою блузку, стянул ее за спину и положил на стол. Я просто сидела, в то время как он играл с моей грудью. Он потер и ущипнул мои соски, заставив их встать. Это продолжалось довольно долго, и все это время он не переставал говорить. Все, что я могла делать, это смотреть на стены и тихо сидеть. Повесив трубку, он нежно поцеловал меня в шею и сказал, чтобы я возвращалась к работе. Я взяла блузку и пошла в гостиную одеваться.

В тот день после обеда он снова позвал меня. Он опять разговаривал по телефону, но на этот

раз стоял за своим столом. Он зажал микрофон рукой и сказал мне раздеться перед ним. Я вспомнила, что он говорил вчера о колебаниях или сомнениях в том, что он сказал, поэтому разделась. Когда я стояла голой, он опять зажал микрофон рукой и сказал мне сесть в кресло перед ним и мастурбировать. Я снова заплакала, но сделала то, что он просил, в то время как он смотрел. Я играла сама с собой, но не могла кончить, потому что мне было так стыдно.

Он закончил разговор, подошел к тому месту, где я сидела, и приказал мне встать. Я встала перед ним, он схватил меня за волосы, откинул мою голову назад и посмотрел мне в глаза. Он сказал, что когда он говорит мне делать что-то, я должна проявлять энтузиазм. Я должна была получать удовольствие, и когда у меня будет оргазм, он должен быть настоящим, я никогда не должна была его симулировать. Он отпустил мои волосы и сказал, что должен меня наказать. Он приказал одеться и вернуться к моему столу. Свои трусики я должна была оставить на его столе.

Через некоторое время он позвонил мне по телефону и сказал, что хочет, чтобы я мастурбировала, сидя за своим столом, а он будет слушать. Он хотел услышать, как я кончаю. Также он сказал, что дверь в мой кабинет должна оставаться открытой. Я не хотела, чтобы он разозлился на меня еще больше, поэтому залезла рукой под стол, задрала юбку и провела ей между ног, другой в это время прижимая телефон к уху. Стол скрывал то, что я делала, от коридора, поэтому, даже если люди время от времени и проходили мимо, у них не было возможности увидеть, что я делаю, пока я удерживаю выражение своего лица.

Я гладила свою киску. Чем больше я гладила, тем влажнее она становилась. Я старалась не издавать никаких звуков и не позволять своему лицу показывать то, что я делаю, но время от времени изо рта выскальзывали некоторые звуки. Прошла всего пара минут, прежде чем я начала чувствовать покалывание, говорившее мне, что оргазм подступает. Я гладила свою киску под столом все сильнее и быстрее. Когда была на грани взрыва, я повернулась на стуле лицом к задней части офиса и расставила ноги как можно шире. Я гладила все сильнее и, громко охнув, ощутила мощный оргазм... Я громко застонала и сидела в своем кресле, содрогаясь от экстаза... Постепенно охи и стоны стихли. Я совершенно забыла о телефоне у уха, пока не услышала, как мистер Батчер сказал:

— Хорошая девочка. А теперь у меня для тебя подарок, так что приходи ко мне в офис голой в час дня.

За несколько минут до часу я пошла в свою гостиную и разделась. Я заглянула через дверь в его гостиную и обнаружила, что там никого нет. Затем я заглянула в дверь его офиса и увидела, что он стоит перед своим столом. Когда он увидел, что дверь открылась, то жестом пригласил меня войти. Я вошла в одной обуви.

Он сказал, что ему понравилось мое маленькое телефонное выступление. Он указал вниз и сказал встать перед ним на колени. Я поняла, что будет дальше.

Я не новичок в минете. Моим первым был Джейсон в старшей школе, и я научилась на самом деле наслаждаться его теплым твердым членом во рту. Также он был первым, кто кончил мне в рот. После него я встречалась с парой других парней, но все, чего они хотели, это трахаться, и мне так и не пришлось отсосать им. Потом я встретила в колледже Уилла. Он был очень требовательным и грубым и научил меня делать многое моим ртом, но самое главное, он научил меня, как глубоко заглатывать его член. Он всегда заставлял меня делать что-то новое. Он даже заставил меня отсосать пятерым его друзьям по студенческому сообществу. Это была ночь, когда он меня бросил. Он назвал меня шлюхой. Не так давно я впервые

отсосала мистеру Сантони в его ресторане, и той же ночью его жена пришла и застучала нас. Я думала, меня убьет, но она всего лишь много кричала по-итальянски и заставила мужа меня уволить. После я встретила Рэнди. Он всегда был нежным, добрым и заботливым. С ним я узнала, что значит для нас обоих наслаждаться моим сосанием и глотанием. Я так хорошо научилась, что заставляла его пальцы на ногах сжиматься.

Я встала на колени и смотрела на него, в то время как он расстегивал штаны и стягивал их вместе со своими трусами. К моему удивлению, его член был самым большим из тех, что я когда-либо видела. Он был намного больше, чем у Рэнди, а это о чем-то говорит. Я всегда думала, что Рэнди тоже одарен, но у мистера Батчера был длинный толстый член, намного больше, чем у Рэнди. Он поднял его, поднес к моим губам и сказал:

— Соси.

Я осторожно взяла его в рот. Он наполнил меня больше, чем когда-либо прежде. Он был огромен. Я несколько раз подавилась, в то время как он пытался протолкнуть его до упора. Он продолжал гладить свой член, пока я не почувствовала его напряжение. Я знала, что он собирается делать, поэтому подготовилась. Когда он кончил, я сразу сглотнула, ожидая огромной порции, но получила всего несколько капель. У него было огромное оружие, но мало боеприпасов.

Кончив, он махнул рукой, отпуская меня. Я вошла в гостиную, включила душ, свернувшись калачиком на полу, в то время как вода лилась на меня, и заплакала. Это был первый раз, когда я изменила Рэнди. Я только что сделала минет своему боссу, и меня разрывало изнутри, потому что, хотя мне ненавистно было это делать, я беспокоилась, что где-то в глубине души мне это понравилось.

Вернувшись домой тем вечером, я молча смотрела на Рэнди, готовившего ужин, и задавалась вопросом, каким монстром я стала. Я ему попросту изменила. Я ненавидела то, что делала. Я ненавидела себя. Я рано легла спать и плакала перед сном.

На следующий день Ллойд снова позвал меня в свой офис. Он стоял у своего стола и опять разговаривал по телефону, сказав мне раздеться. Когда я разделась, он стянул штаны, обнажив свой огромный член, жестом пригласил меня подойти к себе, заставил повернуться лицом к столу и положить на него руки. Он сдвинулся позади меня туда, где я не могла его видеть. Я чувствовала, как его рука трет мою киску. Она была влажной и теплой. Должно быть, он лизнул ее, чтобы убедиться, что я промокла. Я чувствовала его тело близко к моему и что-то у входа в мою киску. Он медленно продвинулся вперед и засунул внутрь свой огромный член... Все, что я могла сделать, это стоять с открытым ртом, подавляя крик. Хотя легкий стон из моего рта все же вырвался.

У меня никогда не было такого большого члена внутри, как его. Ощущение его скольжения сделало меня влажной и горячей. Он начал медленно двигаться внутрь и наружу, а поскольку я была возбуждена, то добавила свою смазку к его. Он ни разу не сбился в беседе по телефону. Я раздвинула ноги и опустила на стол, чтобы он мог проникнуть внутрь глубже. Он продолжал толкать свой мясистый отросток туда-сюда, пока я не почувствовала начало оргазма. На это ушло несколько минут, но я кончила сильнее, чем за долгое время... Мне пришлось подавить крик, уткнувшись лицом в сгиб руки и укусив себя, но он продолжал толкаться даже после того, как я кончила... Я кончила второй раз, как раз перед тем, как он напрягся и вошел в меня до упора... Он протянул руку, положил телефон на подставку и обнял меня сзади, слегка подергиваясь... Наконец, его огромный член обмяк и выпал. Когда

все было кончено, я снова приняла душ, и опять заплакала, потому что снова изменила и на этот раз испытала два оргазма. Я ничего не могла с собой поделать.

Я знала, что еду в ад, но не могла найти съезда.

В течение следующих двух недель я делала Ллойд минет, когда он просил, а он трахал меня как минимум десять раз. Когда он вызывал меня, я раздевалась в гостиной и входила в его офис голый. Несколько раз я мастурбировала и кончала перед ним, в то время как он смотрел. Мне уже не доставляло неудобства заниматься с ним таким сексом, хотя я все еще плакала после этого, но чувствовала себя все менее и менее виноватой из-за того, что делала.

Однажды он позвал меня в свой офис, и мы пошли в его гостиную, где он сказал мне лечь на диван. Мы трахались до конца дня. Он кончил в меня пару раз, а я кончала слишком часто, чтобы сосчитать количество. В конце дня он оставил меня с раскинутыми ногами на диване, и ушел домой.

На следующий день за обедом мы снова занялись сексом на диване. На этот раз он сказал, что хочет трахнуть меня в зад. Я никогда не была большой поклонницей анального секса, но когда Рэнди просил, я соглашалась. Теперь, когда Ллойд засунул мне в задницу этот чудовищный член, я оказалась в совершенно другом мире, боль была мучительной, но мне она нравилась, мне это было нужно. Я никогда раньше не кончала с членом в заднице, но с ним я это сделала несколько раз. В конце дня он опять оставил меня на диване с расставленными ногами, и ушел домой, на этот раз я оказалась лицом вниз с хорошо использованной задницей.

У нас был секс всех видов, в любой позе и в каждой дырке. У меня было не так много работы, поэтому хватало времени делать все, что он хотел.

Однажды я вошла в его офис и увидела того внутреннего аудитора Карла Кэшмана. Ллойд сказал, что он рассказал Карлу, какой у меня замечательный минет, и я должна буду продемонстрировать его, сделав и ему. Я была более чем ошеломлена. Я согласилась заняться сексом с Ллойдом, чтобы спасти свою задницу от чего-то, чего на самом деле не делала, но я никогда не соглашалась быть ни с кем другим. Когда я отказалась, он приказал Карлу уйти и вернуться через час. Когда мы снова остались одни, он не кричал и не угрожал. Он просто подошел к телевизору, вставил DVD и нажал кнопку воспроизведения. На экране было видно, как мы вдвоем занимаемся сексом на диване в его гостиной пару дней назад. Я могла ясно видеть свое лицо, и оно показывало, насколько я наслаждаюсь его толчками. Я слышала свои крики, когда громко кончала. Он сказал, что записывал каждую нашу встречу, с тех пор как мы начали, и что он отправит видео моему мужу и моим родителям и распространит их в комнате для персонала, если я не сделаю Карлу минет, когда он вернется. У меня не было выбора, поэтому, когда он вернулся, я сделала это. Член у Карла был среднего размера, и на то, чтобы заставить его кончить, потребовалось совсем немного времени. Я не помню, плакала ли я или чувствовала себя виноватым из-за измены Рэнди. К тому времени я онемела.

Это было началом того, что Ллойд поделился мной с другими. С того дня я сделала минет двум другим исполнительным менеджерам (мистеру Дженкинсу и мистеру Шмидту) и руководителю отдела продаж (Питеру Кенсингтону). Также я занималась сексом с Чарльзом Хокинсом (главой бухгалтерии), склонившись над столом Ллойда, в то время как сам он смотрел.

Ллойд сказал, что мои обязанности изменились. В будущем я должна быть доступна любому

руководителю по предварительной записи. Я должна буду делать все, что они захотят, так же как и с ним. Я по-прежнему буду доступна для него, когда он захочет (без предварительной записи). Я также должна буду сопровождать руководство на приемах и встречах и удовлетворять потребности потенциальных клиентов. Я должна буду делать все что угодно, с кем угодно.

Теперь я официально стала шлюхой.

Что ж, это последние новости. Причина этой записи в дневнике — задокументировать события, которые привели к тому, что я стала шлюхой компании Томпсон. С этого момента я постараюсь записывать все, что делаю, и с кем это делаю. Может быть, когда-нибудь я выберусь из этого беспорядка, используя эти записи.

Боже, мне очень жаль того, что я делаю с Рэнди. Я знаю, что он сделает, если когда-нибудь узнает: он разведется со мной и заберет у меня Яну. Он, вероятно, также захочет убить Ллойда. Мне очень повезет, если это будет все, что он сделает, потому что у Рэнди очень строгий и консервативный моральный кодекс, а я нарушила его сотнями способов. Я ненавижу себя за то, что причинила ему боль, но ничего не могу поделать. Я доверилась Ллойд, а он мне солгал. Мной манипулировали, а я оказалась слишком глупа, чтобы увидеть, куда направляюсь. Сейчас я нахожусь так глубоко, что не вижу даже верхушки ямы.

Я знаю, что то, что я делаю, очень, очень неправильно, но я просто ничего не могу поделать. Я не могу остановиться. Если я это сделаю, то могу причинить боль двум людям, которых люблю больше, чем кого-либо другого в мире; Рэнди и Яне. Меня не волнует, что будет со мной, я просто не хочу, чтобы им причинили боль.

Пожалуйста, Боже, помоги мне и найди способ простить меня.

Я закрыл дневник и сел на кровать. До этого момента я не осознавал, что весь перед моей рубашки намок. Слезы все еще текли, когда я швырнул дневник через комнату, и он врезался в нашу свадебную фотографию. Мои челюсти были стиснуты, кулаки сжаты и тряслись. Я хотел ударить. Я хотел кричать. Я хотел убить этого ублюдка Батчера. Я хотел задушить Дженни. В то же время я хотел умереть.

Как-то, не задумываясь, я встал с кровати и направился в ванную. Сэндвич с арахисовым маслом и бананом резко вырвало из меня. Единственная спасительная черта заключалась в том, что бананы на вкус в рвоте были такими же, как и в еде. После того как мои кишки опустели, я сунул голову под душ и включил холодную воду. Это никак не повлияло на очищение моей головы или облегчение боли, но по крайней мере, с моего лица смылась рвота.

Я вернулся в спальню, взял дневник и поправил фотографию, которую перевернул. Я держал в руке фотографию Дженни в ее свадебном платье и думал, какая она красивая. Ее красивые длинные черные волосы на свадьбе были собраны на макушке, но обычно они ниспадали ей на спину. У нее была нежнейшая улыбка с глубокими ямочками по бокам, которые нельзя описать словом «ямочки». Люди всегда сравнивали ее с принцессой Дианой с ее царственным носом и широко посаженными глазами. Я просто подумал, что она — самая красивая женщина, которую я когда-либо встречал. Я коснулся ее лица за разбитым стеклом и снова поставил рамку.

Я сел на кровать и открыл дневник, чтобы почитать еще. Тут зазвонил телефон.

— Здравствуйте, мистер Брукс, это Венди из начальной школы на Джеймс-стрит. Здесь, в

офисе, Яна ждет, когда вы ее заберете. Детский сад закрылся более тридцати минут назад. Мы заволновались, когда вы не пришли. Все ли в порядке?

Я посмотрел на часы и тихо выругался.

— Да, просто я потерял счет времени. Я буду через десять минут. Спасибо.

Я бросил дневник в кучу вещей, которые нам понадобятся на выходные, схватился за углы покрывала и приподнял. Я выглядел как какой-то Санта из подвала по выгодной цене, относя все к машине и бросая в багажник. Как и обещал, через десять минут я зашел в начальную школу на Джеймс-стрит.

Яна сидела в кресле, скрестив руки, и выглядела очень сердитой. Увидев, что я вошел, она на мгновение бросила на меня сердитый взгляд искоса, но лицо ее смягчилось, и она подбежала ко мне и обняла меня самым чудесным образом. Она не заметила слезы, упавшей ей на спину. Поездка до дома моей мамы по шоссе обычно занимает всего час, но я хотел пересмотреть то, что только что прочитал, и подумать о том, что мне делать, поэтому на всем пути я использовал проселочные дороги. Когда я подъехал, Яна спала, поэтому я отнес ее в запасную спальню и сказал маме, что мне надо сделать много дел из списка. С тех пор как умер папа, я выполнял небольшие работы по обслуживанию дома мамы, которые она не могла сделать сама. На самом деле я просто хотел побыть наедине со своими мыслями. Я хорошо работал до вечера. Мама принесла мне обед на задний двор, где я обрезал ветки у ее клена. Я все время думал о том, что прочитал. У меня было разбито сердце. Несколько раз приходилось прекращать работу, чтобы вытереть слезы. Я прочитал только одну запись, начатую одиннадцать месяцев назад, но подумал, что если это началось так давно, то как далеко все зашло? Какие еще ужасные новости о моей жене я узнаю, прочитав остальные записи? Я не торопился узнать, что моя жизнь кончилась, если закончился мой брак. С наступлением темноты вышла мама и села рядом со мной за стол для пикника.

— В чем дело? — тихо спросила она.

Все, что я мог сделать, это смотреть на нее в сумрачном свете. Как шестилетний ребенок, у которого только что умер любимый щенок, я упал в ее объятия и заплакал. Я плакал не слезами взрослого мужчины, а слезами маленького мальчика, желавшего, чтобы его мама снова все исправила. Я плакал ей в плечо, а она обнимала меня и гладила по голове.

Я слишком долго плакал у нее на плече, сел и вытер лицо. Я посмотрел на землю и сказал: — Мам, я только что узнал кое-что о Дженни, что-то, что заставляет меня поверить, что мы больше не можем быть вместе. Это плохо, мама, очень плохо. Я не знаю, что делать. Прямо сейчас я хочу ее убить, но я слишком ее люблю. Я просто не могу бездействовать и позволять всему продолжаться как есть. Я должен что-то сделать, но просто не знаю что. Я знаю, что я должен быть мужчиной и сделать то, что нужно, но не знаю, хватит ли у меня сил. Я действительно запутался, мама.

Моя мать всегда отличалась спокойствием и мудростью. Обычно мудрость приходит с возрастом, но у нее она была всегда. Почему-то, когда все носились как сумасшедшие, кричали и вопили, она была спокойна и безмятежна. Она всегда знала, что сказать в любой ситуации, чтобы все стало лучше. Я всегда доверял тому, что она говорила. Она посмотрела мне в глаза и сказала то, что я считал правильным. Она сказала:

— Рэнди, я всегда считала тебя хорошим человеком, может быть, лучше, чем ты думаешь. Если ты говоришь, что у тебя проблема с Дженни, то я считаю, что у тебя есть внутренние силы, чтобы исправить ее. Может быть, ты захочешь простить ее за то, что она сделала, или

тебе, возможно, придется все бросить и бежать. В любом случае, я знаю, что ты можешь, и будешь поступать правильно. Просто запомни две вещи. Во-первых, не делай ничего, что могло бы повредить твоей маленькой девочке. Яна — замечательный ребенок, и ей нужен отец. Во-вторых, я всегда буду рядом с тобой и прикрою твою спину, если тебе понадобится. Я остановился, чтобы подумать о том, что она сказала. Я знал, что это имеет более глубокий смысл, чем просто слова, которые она использовала, так что, это означало, что у меня будет еще кое-что, о чем требуется подумать в эти выходные.

— Спасибо, мама. Я знал, что могу рассчитывать на то, что ты скажешь своему маленькому мальчику стать мужчиной. Я сделаю то, что должен, и обещаю, что Яна не пострадает.

Мы пошли под руку через темный задний двор к дому. Она вошла в гостиную, а я пошел проверить Яну.

15 марта 2008 г. (суббота)

Я мало спал, может быть, несколько минут тут и там, поэтому чувствовал себя дерьмово, сидя на краю кровати и глядя, как за окном встает солнце. Я почувствовал запах маминых жареных яблок, который тянул меня к столу, поэтому я встал, умылся и спустился вниз.

— Доброе утро, — сказал я.

— Доброе утро. Я не буду спрашивать, как ты спал, потому что слышала, как ты ворочался всю ночь. Просто съешь свой завтрак. Ты разберешься.

— Спасибо, мама. О, кстати, после того как я закончу сегодня свою работу, ты сможешь немного подержать у себя Яну? Я хочу вернуться к старой пещере. Я не сделаю ничего глупого; обещаю, что вернусь. Просто хочу побыть в одиночестве и подумать. Вот и все.

— Хорошо, но будь осторожен. минет и поговорить. После того как он ушел, появился третий мужчина, и я сосала и трахала его, как никогда никого раньше. Его член был почти таким же большим, как у Ллойда, но не совсем. У меня было как минимум три оргазма. Когда он ушел, я была уверена, что больше не смогу кончить, но тут появился менеджер отдела продаж. Думаю, вот что значит быть менеджером. Ему удалось трахать меня в задницу более часа, прежде чем он оставил во мне что-то вроде галлона спермы. Вещество продолжало сочиться из меня до конца дня. Он был первым мужчиной, который показал мне, что значит обсасывать член сразу после задницы. Я была в легком в ужасе, когда он первый раз вынул свой член из моей попы и засунул его мне в рот, но еще через три или четыре раза это не стало большой проблемой, это стало просто частью того, что мы делаем. Когда я сосала его, после того как он кончил мне в задницу, я попробовала его жидкости и свою собственную. Я была удивлена, на вкус это совсем не напоминало дерьмо. На вкус он был мускусный, чем-то напоминающий пот. Я была совершенно измучена, когда тем вечером в комнату вернулся Ллойд. Конечно, я трахнула и его, перед тем как мы поехали домой.

Во вторник мы поехали в филиал Южного региона. Их менеджер по продажам (Сид Грин) и четыре продавца (Эрик Грин, Ян Стоун, Лерой Джонсон, Сэм Шедуски) встретились со мной и Ллойдом, и мы прошли через ту же процедуру. Ллойд выдал чеки, а я разделась до пояса, пока они играли с моими сиськами. Потом все пятеро по очереди трахали меня в гостиничном номере. Они не приходили по одному, как ребята в понедельник. Они пришли все вместе, и я по очереди трахала кого-то, а другого сосала. Когда один выходил из меня, его место занимал другой, а кончивший готовился к следующему раунду. О, и Лерой был первым черным мужчиной, которого я трахала. До меня доходили слухи, что у чернокожих мужчин должны быть большие члены, но у него был среднего размера. У Рэнди был больше.

Я слишком устала, чтобы выступать перед Ллойдом, когда он вернулся в комнату, поэтому он просто подрочил, выплеснувшись на меня, прежде чем помочь мне сходить в душ и выйти из него. Когда мы ехали домой, я всю дорогу спала.

В среду мы поехали в филиал центрального района. Там меня ждал большой шок. В офисе работали двое мужчин (Хирам Лейбовиц, Эван Манн) и две женщины (Линн Тисдейл, Сандра Миллер), а менеджером по продажам также была женщина (Мона Джонсон). Ллойд сделал ту же презентацию, что и в предыдущие два дня. На этот раз мне было немного неловко стоять топлесс перед тремя другими женщинами. Я сделала это, но все равно чувствовала себя странно. Я вернулась в гостиничный номер, гадая, появятся ли женщины. Первой у двери была менеджер по продажам. Она сказала, что Ллойд сказал ей, что я никогда раньше не была с женщиной, поэтому она вызвалась меня научить. Следующие два часа я потратила на изучение того, как целовать другую женщину, как ласкать и сосать женскую грудь, как использовать свои пальцы на их кисках и их задницах, и как высасывать каждую частичку энергии из их тел, вылизывая их и заставляя их кончать. Она была со мной добра и терпелива. В конце она сказала, что у меня талантливый рот, и что когда я лизала ее киску, это не было похоже ни на одну другую женщину, с которой она когда-либо была. Она оставила мне чаевые в сто долларов. Следующей пришла одна из продавщиц, я применила к ней то, что только что изучила, и она ушла очень довольная. Она тоже оставила мне чаевые в сто долларов. Пришла другая продавщица, и она просто захотела полизать у меня. Мне не потребовалось с ней ничего делать, она просто была очарована моей киской. Она даже засунула палец мне в задницу, когда лизала. У меня был невероятный оргазм, когда она это сделала. Когда она ушла, я получила еще сто долларов. После того как ушла последняя продавщица, появились двое мужчин, и я трахнула их обоих одновременно, одного — в мою киску, а другого — в задницу. Они получали огромное удовольствие от смены мест. Раньше во мне было двое мужчин одновременно, и обычно у меня был один или два оргазма, но с этими двумя я вообще не кончила. Они оставили чаевые в размере ста долларов и ушли с широкими улыбками на лицах. Дешевые засранцы!

Я не была удовлетворена, и когда вернулся Ллойд, я затрахала его до полусмерти.

Четверг был немного другим. Мы поехали в филиал северного региона. У них были худшие показатели продаж в компании. Ллойд хотел дать им стимул на следующий год, а не награждать за плохие результаты в этом. Ллойд ругал продавцов цифрами за прошедший год и тем, что они не соответствовали другим регионам. Все трое мужчин перед ним ежились от страха. В конце он указал на менеджера по продажам и сказал, что тот отвечает за показатели продаж в следующем году. Если они улучшатся, то вот что получит каждый мужчина. Он прошептал мне на ухо, чтобы я встала, подошла к мужчинам и разделась. Они были, мягко говоря, удивлены, увидев, как моя блузка упала на пол. Думаю, я привлекла их внимание, когда расстегнула молнию на юбке и опустила ее на пол. Я подошла к одному из мужчин, наклонилась и стянула на пол трусики, засунув свою задницу прямо ему в лицо. Он упал в обморок. Я обошла стол, где сидел Ллойд, и встала позади него. Ллойд сказал им, что если они улучшат показатели продаж в следующем году, то смогут пригласить меня на вечер.

Ллойд опять прошептал мне на ухо. Он скромно улыбался, когда я села и мастурбировала, в то время как три продавца смотрели. Им не разрешалось прикасаться ни ко мне, ни к себе. Я начала тереть свою киску и старалась смотреть в глаза неудачникам, но не могла таким образом кончить, поэтому закрыла глаза и вскоре стонала и дергалась в кресле в оргазме,

который был единственным за весь день. Я оделась, и мы ушли. Ллойд сказал, что по его мнению, они поняли суть.

Пятница в городском региональном филиале повторила четверг. Ллойд кричал на персонал, я разделась и мастурбировала, а после мы ушли. По дороге домой я сделала Ллоиду минет, в то время как он вел машину. Он чуть не съехал с дороги, кончая мне в рот.

В целом, неделя выдалась потрясающей. Мне пришлось делать лишь то, о чем я мечтала. Я трахнула пятерых мужчин за раз, я трахала женщин, я трахала чернокожего мужчину и заработала четыреста долларов чаевых. Но, самое главное, я кончала столько раз, что не могла сосчитать.

После этого я все еще чувствовала себя ужасно, из-за того, что изменяла Рэнди. Когда я была с кем-то, я становилась совершенно другим человеком и действительно вкладывала много энтузиазма в то, что мы делали. Когда все заканчивалось, я возвращалась в себя и чувствовала, что просто хочу умереть. Я была как два разных человека, «я» на работе, которая трахает и сосет любого, кого мне говорят (я ненавижу этого человека), и другая «я» — любящая жена и мать (это настоящая «я»), ничего не чувствующая из того, что делаю на работе. Думаю, вот это и значит быть шлюхой.

Я отложил дневник, посмотрел в провал и подумал, что это было бы идеальным местом, чтобы положить всему конец. Никто не сможет найти тело долгое время, если вообще найдет когда-либо. Но зачем мне думать о том, чтобы покончить с собой, я ведь не сделал ничего плохого. Это сделали ублюдок Ллойд Бутчер и Дженни. Я не должен страдать за то, что они сделали, это они должны. Но я страдал.

В записях Дженни звучало все меньше и меньше раскаяния, казалось, ей нравится то, что она делает. Интересно, нравилось ли ей это больше, чем быть со мной. Мне придется спросить ее об этом, когда она вернется в воскресенье.

Я решил, что когда она вернется, я встречу с ней лицом к лицу. Если она будет что-то отрицать или не говорить правду, я заберу Яну и перееду к маме. Развод — это слишком мягкий конец для того, что она сделала с нами. А после, в понедельник я выбью дерьмо из мистера Ллойда Батчера.

Я взял дневник и начал читать. Подвиги Дженни были утомительны. Она развлекала всех менеджеров на рождественской вечеринке только для менеджеров, трахая и сося всех всю ночь напролет. В канун Нового года она была в гостиничном номере доступная для любого сотрудника компании, который хотел ее, и судя по тому, что она писала, там было более двадцати мужчин и женщин, которые действительно хотели ее, опять и опять. После этого она отсосала каждому мужчине на вечеринке — маленький новогодний подарок от руководства. Неудивительно, что меня не пригласили. Она развлекала клиентов в своей гостиной, в их гостиничных номерах или на их рабочих местах в течение всего года. Она трахалась, сосала и вылизывала себе дорогу через большинство сотрудников, где работала. Она даже трахнула доставщика пиццы в качестве чаевых, после того как он принес пиццу на встречу. Она трахнула начальника городской полиции и пару его заместителей в качестве платы за то, что они сделали для компании. На одном выездном мероприятии для руководителей она устроила представление с группой стриптизеров, мужчин и женщин, которое, по ее словам, «останется в памяти каждого, кто видел это на всю оставшуюся жизнь».

Ее сочинения многое рассказали мне о том, о чем она думала, хотела она этого или нет. Я почти мог читать ее мысли. Я читал о раздвоении личности; однако единственная личность, которую я когда-либо видел, была та, которую она показывала дома. Не знаю, хочу ли я видеть другую.

Последняя запись в журнале была всего неделю назад. В эти выходные она была вне города на мероприятии компании, так что, можно держать пари на все что угодно, что она снова оказалась в центре всеобщего внимания. Я знаю, что не могу больше слышать о ее подвигах. Я просто хотел избавиться от своих страданий.

Я захлопнул дневник и закрыл глаза. В моей голове крутились образы каждого полового акта, о котором она писала. Все что я мог видеть, это мою прекрасную Дженни с членом во рту и другим членом в ее заднице. Я слышал, как она рассказывает своим любовникам, как ей нравятся их члены и их киски. Я почти чувствовал ее мускусный сексуальный аромат. Я наклонился над ущельем и выплеснул первое пиво и остатки завтрака. Снова опустев, я промыл рот глотком пива, а затем лег в траву и заплакал.

В этот момент мне было очень жалко себя. Я понятия не имел, что что-то из этого происходит. Как я мог не знать? Как я пропустил симптомы? Теперь я мог оглянуться назад и увидеть то, что возможно, должно было вызвать у меня подозрения, но у меня не было причин сомневаться или не доверять Дженни. Да и как я мог не доверять ей, черт возьми, ведь я любил ее. Она всегда говорила мне, когда у нее возникали проблемы, поэтому, возможно, просто не думала, что то, что она делает, является проблемой. Мы никогда не ссорились. Она всегда выполняла свою часть домашних обязанностей. Она всегда была для Яны отличной матерью. Конечно, наша сексуальная жизнь отчасти упала, но я подумал, что это — побочный продукт нашей тяжелой работы. Интересно, сколько раз я полоскался в чужой сперме? Я никогда не посещал какие-либо мероприятия ее компании, как правило, потому, что меня не приглашали, или я пропускал их, потому что не слишком люблю тусоваться. Что еще я пропустил?

Также я чувствовал, что это — частично моя вина. Мужчины в ее жизни всегда довольно легко манипулировали Дженни, но когда мы поженились, я поклялся никогда не использовать ее наивный характер. Я не хотел делать с ней то, что делали другие мужчины. Пока она не ушла в колледж, во всех аспектах ее жизни доминировал ее отец, включая то, как она одевалась, школьные занятия и свидания. В колледже она могла делать то, что хотела, но познакомилась с парнем, который был таким же, как и ее отец: властным и все контролирующим. Он использовал ее эмоционально и сексуально, прежде чем вышвырнуть как вчерашнюю газету. Он заставлял ее делать то, что могло соперничать с некоторыми из подвигов в ее дневнике. Он сломал ее дух, бросив ее. Даже у ее тренера по плаванию в колледже были некоторые частные инструкции в нерабочее время, которые были не более чем возможностью наблюдать, как она плавает в обнаженном виде, в то время как он дрожит. Я встретил ее сразу после того, как владелец ресторана, в котором она работала, уволил ее, после того как его жена узнала, что он фотографировал ее обнаженной в своем ресторане в нерабочее время. Она была очень доверчива и верила всем, особенно мужчинам. Когда они кормили ее баснями, она считала, что это правда.

Думаю, я не обращал внимания на мужчин вокруг нее.

Я никогда не чувствовал себя большим идиотом, чем в тот момент. Кто-то сказал, что задним умом все крепки. Задний ум — это отстой!

16 марта 2008 г. (воскресенье)

Когда мы уезжали, мама проводила нас до машины.

— Рэнди, пожалуйста, позвони и дай мне знать, что происходит, и не делай ничего, чтобы навлечь на себя неприятности. Я знаю, что ты найдешь решение. Я люблю Дженни так же сильно, как и ты, но если половина того, о чем ты мне рассказал прошлой ночью правда, тогда она изменилась и стала уже не той Дженни, на которой ты женился. Я доверяю твоему мнению. Помни, тебе нужно беспокоиться о Яне.

— Я позвоню, мама.

Мы с Яной вернулись домой и остаток дня играли на заднем дворе. К тому времени как я уложил ее на ночь, она была полностью измотана. Я взял пару бутылок пива и пошел в гостиную ждать, пока вернется с работы моя жена.

В девять часов открылась входная дверь, и вошла Дженни, неся чемодан.

— Привет, дорогой, — сказала она, ставя сумку. — Как прошли выходные? Наша маленькая девочка вела себя прилично?

Я поднял глаза от своего пива и сказал:

— Мои выходные, вероятно, были не так хороши, как твои. Меня трахнул только один человек, у тебя их, вероятно, были десятки.

Она посмотрела на меня так, будто я только что отрастил вторую голову.

— Что должна означать эта твоя острота? Я работала все выходные. Я устала, а обратный рейс был паршивым. Теперь я возвращаюсь домой к твоей странности. Какого черта?

Я залез под стул, взял дневник и швырнул его через комнату, как фрисби. Он чуть не попал ей в голову, пролетая мимо, и врезался в кухонный шкаф. Она стояла с открытым ртом и смотрела на меня, как будто только что появилась третья голова. Я не двинулся. Она повернулась и подошла к кухонному шкафу. Увидев, что именно только что разбило стеклянный фасад и фужеры с нашей свадьбы, она замерла. Она долго ничего не делала. Наконец она полезла в грудку битого стекла и взяла дневник. Следующее, что она сделала, меня удивило. Она тихо вышла через заднюю дверь.

Я встал, выглянул в окно кухни и увидел, что она сидит на качелях, прижимая дневник к груди и яростно рыдая. У меня не было настроения мешать ей, поэтому я вернулся в гостиную и начал второе пиво.

Я допил второе пиво и начал третье, когда услышал, как открылась задняя дверь. Вошла Дженни, села напротив меня и положила дневник на журнальный столик. Я не знал и не интересовался тем, заплакала ли она полностью или нет, но ее лицо было все красным и опухшим, а тушь из ее глаз струилась по щекам. Ее обычно ухоженные волосы были в беспорядке. Ее нижняя губа дрожала, и она все еще тяжело дышала.

Она посмотрела на дневник и сказала хриплым голосом.

— Теперь ты знаешь. Что ты собираешься делать?

Я взглянул на нее и сказал:

— Я еще не решил. Но что бы я ни сделал, все будет грандиозно, можно сказать, эпично.

— Ты собираешься развестись со мной? — тихо спросила она.

— Как я только что сказал, я еще не решил.

Она подняла глаза, поймала мой взгляд и сказала:

— Я почти рада, что ты знаешь. Я никогда не хотела опускаться настолько глубоко. Я никогда не хотела причинять тебе боль, причинять боль нам, но я сделала это. Я знаю, что я это

сделала. Я знаю, что это я, и у меня нет оправданий. Я никогда не хотела начинать. Я просто хочу, чтобы все это закончилось. Я хочу вернуться к нормальной работающей матери. Я устала от всего: от секса, от всей лжи, от всех людей, контролирующих мою жизнь. Я хочу быть с тобой и Яной, но боюсь, что полностью облажалась. Ты никогда не узнаешь, как я сожалею о том, что я сделала то, что сделала. Рэнди, поговори со мной. Пожалуйста, скажи что-нибудь.

— Я прочитал твой дневник, весь, и у меня есть пара вопросов. Во-первых, в эти выходные был еще один трах для твоего дневника?

Она склонила голову и сказала:

— Да.

— Я был почти уверен, но мне требовалось спросить. Я не хочу знать подробности, но хочу узнать кое-что очень важное. Ты сделала это добровольно, и тебе это нравилось?

— Этот уик-энд был выездным мероприятием для руководителей, и он был запланирован очень давно. Я должна была быть там, я — часть команды.

— Да, та самая часть, которая все время проводит на спине с раздвинутыми ногами. Этаким член команды.

Она не ответила на это, просто смотрела в стол.

Я смотрел, как она сидит там, и сказал:

— Ты не ответила на мой вопрос. Тебе это нравилось? Ты делала это потому, что хотела? Из того, что я прочитал, показалось, что тебе на самом деле нравится все то дерьмо, что ты делаешь, и ты балдеешь. Ты, похоже, получаешь большее удовольствия, чем со мной. Это так?

— Нет! Мне это не нравилось больше, чем когда-либо, просто по-другому. Рэнди, я люблю тебя; я никогда не хотела причинять тебе боль. Я признаю, что мне действительно нравится внимание и секс, но это отличается от того, что делаем мы с тобой. С тобой мы занимаемся любовью. Все остальные, ну... это... и кроме того... черт возьми... Не важно, что я говорю или как я это говорю, я выгляжу как лживая шлюха-изменница. Я — шлюха. Я — лгунья. Я — изменщица. Я не могу этого отрицать, мне действительно нравится, когда я — с кем-то. Я до сих пор делаю это, потому что должна, но мне никогда не нравилось лгать тебе. Вот, я это сказала. Это то, что ты хотел услышать?

— Я не уверен, что именно я хотел услышать. Я просто не хотел слышать чушь и ложь. Я скажу тебе одно: я не думаю, что ты лжешь. Я не думаю, что ты можешь лгать, чтобы выбраться из этого беспорядка.

Мы долго сидели молча.

— Так, есть ли еще «мы»? — тихо спросила она.

— Честно говоря, я не понимаю, как такое может быть? Ты ставишь свое блядство выше своей семьи. Ты лгала мне все эти месяцы и, вероятно, выставляла меня на посмешище для всех, кто кончал в тебя. Ты сменяла нас с Яной на длинную очередь членов. Нет, я не вижу возможности снова стать «нами». «Мы», о котором ты говоришь, перестали существовать в ту самую минуту, когда ты опустилась на колени перед этим мешком с грязью Батчером. Я просто был слишком глуп, чтобы заметить это.

Дженни упала на диван, всхлипывая на подушку.

— И, говоря о Батчере, я планирую поехать в понедельник с тобой на работу и выбить из него все дерьмо, пока ты будешь очищать свой стол. Судя по тому, что ты написала, он шантажировал тебя, заставляя делать все это. Он был ответственен за то, что ты запуталась,

но ты была ответственна за то, чтобы оставаться там. Я всегда считал, что каждый, кто попал в плохую ситуацию, должен заплатить. Я не знаю, со сколькими мужчинами и женщинами ты была, но каждый из них так же виноват, как и Батчер. Я хочу наказать всех, но пока ответить должен Батчер.

— Позволь мне рассказать тебе кое-что, что я помню с давних времен. Во времена холодной войны у политиков был термин для обозначения того, чем я хочу заняться. Они назвали это «Ядерный ответ». Если кто-то сделает что-то против Соединенных Штатов, ответный удар будет быстрым и разрушительным. Одна атомная бомба — и проблемы исчезли. Так было со всеми врагами, и так было со многими невинными людьми. Если бы у меня была атомная бомба, я бы засунул ее Батчеру в задницу и нажал кнопку. Это то, что я хочу сделать, я хочу, чтобы заплатили все и заплатили дорого, и мне плевать на побочный ущерб. Я не знаю, насколько это реально, поэтому начну с того, что в понедельник выбью дерьмо из этого засранца.

— Рэнди, не делай глупостей, он — влиятельный человек, у него много друзей. Ты можешь попасть в то, из чего не сможешь выбраться, как и я.

— В понедельник, так или иначе, я покончу с этим дерьмом. А теперь убирайся из поля моего зрения. Я не хочу, чтобы ты была со мной рядом. С этого момента ты можешь спать в запасной спальне. Просто убирайся с глаз долой.

Дженни, рыдая, выбежала из комнаты, за ней последовал захлопывающейся двери запасной спальни.

Я встал и взял еще пару бутылок пива. Я не планировал спать очень хорошо, но вдруг повезет, и я буду спать спокойно.

17 марта 2008 г. (понедельник)

Дженни тихо сидела, пока мы ехали к ней на работу. Она проплакала всю ночь. Я знал это, потому что каждый раз, вставая в ванную, я слышал ее. Мы вошли в здание и прошли мимо охранника по ее удостоверению личности. Дженни пошла в свой офис, а я прошел мимо администратора в офис Батчера. Он сидел за столом и улыбался. Я не знал, что с этим делать, но это не имело значения, я собирался перепрыгнуть через его стол и начать веселье.

Прежде чем я успел сделать пару шагов, что-то схватило меня за шею и потянуло обратно, роняя на пол. Я почувствовал что-то очень тяжелое у себя на груди и, подняв глаза, увидел, что там сидит огромный мужчина в форме охранника, а другой своим коленом прижимал мою голову к полу. Независимо от того, насколько сильно я боролся, на мне сидели свыше двухсот килограмм мышц, поэтому я сдался.

Я смотрел вверх, когда наверху показалось лицо Батчера. Он посмотрел на меня, улыбнулся и сказал:

— Мне было интересно, когда ты появишься, и я ждал тебя. Мне позвонил охранник у входа, когда увидел, что ты вошел. Двое джентльменов, удерживающих тебя, являются частью моей личной охраны. Они сделают все, что я скажу, в том числе сломают тебе шею, найдут твою симпатичную маленькую дочь и сделают то, о чем ты не хотел бы знать. Что касается той шлюхи, которую ты называешь своей женой, она — моя, она принадлежит мне. Она — моя, чтобы делать с ней то, что я хочу, и ты ничего не сможешь с этим поделать. У меня с ней хорошее дело как с моей личной шлюхой, и если ты попытаешься каким-либо образом помешать, я тебя выпотрошу и брошу в ближайший мусорный бак. А после я позабочусь о том, чтобы твоя маленькая Яна никогда не увидела второго класса. Ты понимаешь, о чем я

говорю?

Все, что я мог делать, это мычать. Я все еще хотел встать и убить этого ублюдка, но я был в меньшинстве и безоружен.

— Что ж, мистер храбрый муж, пришедший на помощь, позволь мне просто показать тебе, что я имею в виду.

Я не мог хорошо видеть с пола, но слышал, как он сказал:

— Дженни, иди сюда.

Дверь открылась, и я услышал, как Дженни сказала:

— Боже мой, нет! Пожалуйста, не трогай его! Пожалуйста, нет!

Батчер крикнул:

— Заткнись и иди сюда. Я хочу устроить твоему мужу небольшую демонстрацию.

Двое накачанных охранников заставили меня сесть, подняли и усадили на стул. Один сковал мне руки наручниками за спиной, а другой приковал мои ноги к ножкам стула. Кто-то засунул мне в рот кляп. Я сидел лицом к лицу с Батчером и Дженни, в то время как двое охранников стояли позади меня, положив руки мне на плечи.

— А теперь, Дженни, я хочу, чтобы ты показала своему маленькому герою, какую работу ты для нас делаешь. Так что, разденься и вставай на колени. Сейчас же!

Она стояла и долго смотрела на меня, пока Батчер не протянул руку, схватил ее длинные черные волосы и прижал ее голову к своему лицу. Он что-то прошептал ей на ухо. Не знаю, что он сказал, но она тут же вышла вперед и начала расстегивать блузку. По ее лицу текли слезы, когда она уронила одежду на пол позади себя. Она потянулась, расстегнула бюстгальтер и позволила ему упасть вперед. Затем она протянула руку сзади, расстегнула юбку и одним движением стянула ее и трусики со своих ног. Она стояла голая перед всеми нами. Я слышал хихиканье охранников, когда Батчер шлепнул ее по заду. Она прыгнула вперед, грустно посмотрела на меня, повернулась и медленно опустилась на колени перед Батчером. Он протянул руку, расстегнул штаны, вынул член и сунул ей в лицо. Она обхватила его губами и сначала медленно посасывала его, но после нескольких движений начала дико раскачиваться головой вверх-вниз, все время плача.

Я пытался бороться со стулом, чтобы выбраться и убить этого ублюдка, когда погас свет. Я не знал, что меня ударило, но это было все, что я вспомнил из офиса.

Следующее, что я вспомнил, — это то, что я просыпаюсь в больничной палате. В моей левой руке торчала капельница, а правая была в гипсе. Я мог видеть только одним глазом, а мой рот был словно набит ватой. Когда я пытался позвать медсестру или кого-нибудь, ничего не вышло. Дверь открылась, и вошел полицейский. Когда он подошел достаточно близко, чтобы я мог сосредоточить внимание на нем одним глазом, я заметил, что это был местный начальник полиции. Он подошел ко мне и улыбнулся.

— Как поживаешь, мистер Брукс? Надеюсь, тебе не слишком больно. Ты, наверное, задаешься вопросом, что случилось. Что ж, мы нашли тебя в твоей машине у Мэйфилд-роуд в канаве. Похоже, ты свернул, чтобы избежать столкновения с оленем. Ну, это та история, что мы записали в офисе. Но мы с тобой знаем лучше, в чем дело, не так ли. Видишь ли, Ллойд Батчер — мой зять, и он много для меня сделал. Одним из этого был веселый вечер, наполненный этой твоей милой маленькой женошкой. Так что, я хочу сохранить доброе отношение старика Ллойда и продолжать совокупляться с твоей старушкой. Вот почему, когда он позвонил мне и сказал, что ты упал с лестницы, я был только рад позаботиться обо

всем для него. Но я не хотел, чтобы он был каким-либо образом замешан, поэтому ты и попал в аварию. Теперь, чтобы ты меня понял, если ты не согласишься с моей небольшой историей, мне придется нанести визит к тебе домой и найти какие-нибудь незаконные наркотики или детское порно или что-то еще, чем твои соседи не будут слишком довольны. Молчи, и пусть мой зять делает то, что хочет, и тогда никто не пострадает, особенно ты или твоя прекрасная дочь. Ясно?